

ЦВЕТКОВ Н. В.

К МЕТОДОЛОГИИ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА

В современной лексической семантике компонентный анализ утвердился настолько прочно, что с применением его в явной или скрытой форме можно встретиться в большинстве работ, описывающих содержательную структуру словарного состава языка. Тем не менее возможности самого метода неодинаково оцениваются различными исследователями: одни возлагают на него большие надежды для описания всего словарного состава языка, другие ограничивают возможности компонентного анализа рамками определенных лексико-семантических групп, третьи используют его как частный прием. Такое отношение к данному методу объясняется тем фактом, что первые работы по компонентному анализу были основаны на материале замкнутых лексических подсистем: терминах родства, цветообозначениях, местоимениях и под. Это послужило поводом для сомнений в возможности применения компонентного анализа к более сложным семантическим структурам. Однако в настоящее время опубликовано много работ, в которых с помощью указанного метода исследовались самые различные классы слов, считающиеся менее структурированными: глаголы (Апресян, Васильев, Михедова, Селиверстова, Сильницкий и др.), качественные прилагательные, конкретные и абстрактные существительные (Арнольд, Бережан, Соколовская, Шмелев, Шрам и др.). На основании исследований многие лингвисты приходят к выводу о том, что «сфера применения данного метода не ограничивается замкнутыми системами» [1, с. 238]. Обнаруживающуюся же иногда неадекватность компонентного анализа некоторые лингвисты склонны объяснять причинами экстралингвистического характера: «Если нет развернутой системы в самих денотах, в человеческой деятельности, практике на каких-то участках, то не следует ее ожидать и в результатах компонентного анализа слов — имен соответствующей предметной области» [2, с. 48].

К настоящему времени в отечественной и зарубежной лингвистике накоплен немалый опыт как в теории, так и в практике компонентного анализа: разработаны его основные принципы, используется специальная терминология, ведутся поиски адекватного метаязыка описания, с помощью компонентного анализа уточняются понятия полисемии, синонимии, антонимии, разрабатываются теории семантического поля и лексико-семантических групп, с его помощью проанализирован большой объем лексических пластов в различных языках, используется он и в практической лексикографии. Но как в теории, так и в практике компонентного анализа возникает и немало новых проблем, решение которых поможет углубить наши представления о статусе этого метода, определить более точно его возможности, сформировать новые гипотезы об устройстве и функционировании глубинных механизмов языка.

Основными вопросами в рамках компонентного анализа, требующими решения, являются, на наш взгляд, следующие: 1) что представляет собой компонент лексического значения в его соотношении с языковыми единицами; каков его онтологический статус?; 2) существуют ли универсальные, единые принципы его выделения и проверки правильности такого выделения?; 3) каковы правила именования элементов значения и их интерпретации?; 4) какова иерархия (парадигматическая или линейная) семантических компонентов: а) внутри той группы, для которой они установлены, и б) на всем массиве компонентов для данного языка?; 5) каков количественный состав минимальных смысловых единиц внутри семемы, лексико-

семантической группы, словаря в целом?; 6) как соотносятся компоненты значения разных лексико-семантических групп, разных языков?

Следует подчеркнуть, что выделение перечисленных здесь вопросов как отдельных, самостоятельных носит несколько искусственный характер: в процессе компонентного анализа они взаимосвязаны, и то или иное решение одного из них отражается на решении других.

В основе компонентного анализа, как он толкуется в работах американских лингвистов (Дж. Катца, Дж. Фодора, У. Гуденафа, Ф. Лаунсбери, У. Вейнрейха, Д. Болинджера и др.), лежат три главных принципа: 1) описание значений словарного состава естественных языков через посредство конечного набора элементарных семантических единиц, или компонентов, 2) представление этих компонентов как независимых от конкретных языков универсальных репрезентаций и 3) интерпретация их в качестве компонентов концептуальной системы, входящей в познавательную структуру человеческого интеллекта [3, с. 8]. Но нередко в работах по компонентному анализу используются не все названные принципы, а только два: 1) значение каждого слова состоит из набора минимальных смысловых элементов; 2) весь словарный состав языка может быть описан с помощью ограниченного и сравнительно небольшого числа этих единиц. Первый принцип наиболее явно представлен в работах У. Гуденафа. Реализуется он таким образом, что значения всех терминов родства расчленяются с помощью семантических оппозиций на элементарные компоненты, за каждым из которых закрепляется отдельный буквенный символ, а затем все термины родства записываются в виде комбинаций этих символов. Второй принцип отчетливо сформулирован Ф. Лаунсбери. Особенность реализации этого принципа состоит в том, что в качестве исходных единиц берутся не элементарные смыслы, а семантические множители, т. е. наиболее простые по своей смысловой структуре и обычно наиболее частотные по употреблению семемы [4, с. 61]. Основное различие между семантическими компонентами и семантическими множителями заключается, очевидно, в том, что первые представляют собой элементарные, предельные единицы значения, а вторые — неэлементарные, «непосредственно составляющие». Неодинаково они относятся и к плану выражения: если семантические компоненты могут быть выражены любыми, в том числе неязыковыми, средствами, то семантические множители, используемые в лексикографических описаниях, должны быть выражены словами естественного языка.

Вопрос об онтологическом статусе выделяемого семантического компонента, его соотношении с такими языковыми единицами, как морфема, слово, словосочетание, большинство исследователей оставляет без внимания. А вопрос этот далеко не простой, и от его решения зависит и общая структурно-семантическая картина языка, и результаты конкретных исследований. С одной стороны, семантические компоненты, как и значение в целом, являются одноплановыми единицами, которые по самой своей природе и по определению идеальны. С другой стороны, эти единицы не являются и абстракциями, чистым порождением человеческого ума, не представляющим самостоятельной сущности, а расцениваются как «воплощение объективной реальности языка, вполне реальные, конкретные единицы содержания» [5, с. 62]. Семантический компонент, как и значение в целом, не функционирует автономно, а лишь в составе слова как двуплановой единицы языка. По функциональному же назначению он всегда объективен, т. к. «каждая сема представляет собой отражение в сознании носителей данного языка различительных черт, объективно присущих денотату, либо приписываемых ему данной языковой средой и, следовательно, являющихся объективными по отношению к каждому говорящему» [6, с. 95]. Каждая семема (т. е. внутреннее содержание языкового знака) состоит как минимум из двух сем. Следовательно, семантический компонент является более абстрактным по сравнению с лексическим значением в целом и универсальным в том смысле, что один и тот же компонент входит в значения разных слов. Семантический компонент выделяется только в экспериментальных условиях, он не является частью сло-

варного состава самого языка, скорее это «теоретическая величина, введенная для описания семантических отношений между лексическими единицами этого языка» [7, с. 180]. Следовательно, в гносеологическом плане он носит субъективный характер. Чтобы полнее и глубже представить сущность семантического компонента, следует, очевидно, иметь в виду и психологические аспекты его функционирования [8, 9], особенно же с учетом того, что «владение языком вообще лежит на грани сознательного и бессознательного» [10, 11].

Само определение семантического компонента претерпело значительные изменения, но в большинстве определений указывается его элементарность (т. е. дальнейшая неразложимость на более мелкие единицы), одноплановость (т. е. принадлежность лишь к плану содержания), а также универсальность. Некоторые определения отражают стремление авторов найти связь между элементами значения и экстралингвистическими факторами. Однако такое стремление приводит иногда к смешению компонентов значения и признаков денотата, и тогда выделяются компоненты явно избыточные. Так, в слове *змея* в прямом значении усматриваются следующие компоненты: «животное», «принесение вреда с помощью жала», «ядовитость», «узкое», «ползучее», «пестрое» и некоторые другие [12]. Следует поставить под сомнение корректность такого анализа, т. к. неизвестно, что анализируется в данном случае — значение или предмет. В других определениях компоненты содержательной структуры слова соотносятся с понятиями: «Сема — понятие в качестве структурного элемента другого понятия. Соответственно сема — понятие более простое по структуре содержания, чем то понятие, в состав структуры которого она входит» [2, с. 41]. Различное понимание сущности семантического компонента как лингвистического феномена отражается на результатах компонентного анализа у разных авторов, в частности, на количественном составе выделяемых семантических компонентов.

Одним из основных и едва ли не самых сложных вопросов компонентного анализа является вопрос о методических принципах выделения минимальных смысловых элементов. Во всей массе работ по компонентному анализу можно наметить несколько основных путей решения этого вопроса. Некоторые исследователи при установлении семантических компонентов используют определения значений слов в толковых словарях [13—15; 16, с. 100]. Отмечая плодотворность использования словарных дефиниций на начальном этапе анализа, большинство лингвистов считает, однако, этот прием недостаточным. Другой методический принцип сводит процедуру выделения компонентов значения к попарному сравнению лексем [17, 18]. Иногда используется методика, основанная на анализе сочетаемости и смысловых связей слов в тексте [19]. Н. И. Толстой говорит о том, что сема устанавливается путем вычитания одной семемы из другой (так, из семемы «молодой сосновый лес» выделяются семы «молодой», «сосновый») [20]. О. Н. Селиверстова считает, что «выведение значения из наблюдаемых фактов употребления может быть осуществлено с помощью того метода исследования, который в философии называется гипотетико-дедуктивным. В общем виде эта процедура исследования разделяется на четыре основных этапа: 1) сбор фактов и их индуктивное обобщение; 2) выдвижение теории в виде гипотезы для их объяснения и уточнение ее в сопоставлении и частичном противопоставлении с существующими теориями, 3) выведение дедуктивным путем различных следствий из выдвинутой теории, 4) проверка теории путем сопоставления с фактами дедуктивно полученных следствий» [10, с. 137]. В данной работе мы не проводим сравнения различных приемов определения состава компонентов значения, поскольку исследователи исходят из разного материала и преследуют разные цели. Так, Н. И. Толстой использует компонентный анализ при решении проблем систематизации уже имеющихся определений значения языковых единиц (ср., например, анализ значений географического термина **gaj* в славянских диалектах), а О. Н. Селиверстова использует компонентный анализ в процессе установления языковых значений или отдельных их компонентов [1].

Несмотря на различие подходов к выделению семантических компонентов, большинство исследователей единодушны в том, что в решении этого вопроса важное место занимает языковой опыт и интуиция исследователя.

Среди работ по компонентному анализу есть и такие, которые специально были посвящены методическим вопросам выделения компонентов или в которых делаются попытки классификации различных подходов и принципов компонентного анализа [21—23; 24, с. 19].

Процедура выделения компонентов значения, предложенная Т. П. Ломтевым, заключается в следующем. В словарном составе языка выделяется компактная область имен, которые именуют предметы, принадлежащие к одному множеству. Над предметами выделенного множества производятся операции разбиения, которые удовлетворяют следующим трем условиям: а) подмножества общего множества не должны пересекаться; б) сумма подмножеств должна равняться общему множеству; в) подмножествами общего множества не должны быть само множество и пустое множество. Операция разбиения одного общего множества на подмножества служит для того, чтобы выделить и сформулировать дифференциальные элементы, по характеру которых выделяются подмножества в общем множестве. Для получения достаточного количества дифференциальных семантических элементов, способных выделить отдельные предметы из общего множества, необходимы несколько разбиений общего множества [21, с. 4]. Однако количество выделяемых дифференциальных семантических элементов при этом оказывается достаточно большим, а в ряде случаев приближается к числу элементов самого множества. Например, для описания смыслов слов, называющих родственников в одном поколении (*сват, сватья, муж, жена, брат, сестра, сводный брат, сводная сестра*), автор выделяет восемь дифференциальных семантических элементов: «свойство мужского пола», «свойство женского пола», «свойство родителя», «свойство рожденного», «свойство отношения к другому лицу по брачным связям их рожденных», «свойство отношения к другому лицу по собственным брачным связям», «свойство отношения к другому лицу по кровной связи с родителями», «свойство отношения к другому лицу по брачной связи одного из родителей». Это приводит к нарушению одного из основных принципов компонентного анализа, согласно которому значения слов должны быть представлены с помощью ограниченного и сравнительно небольшого числа семантических элементов. Кроме того, большинство названных выше семантических элементов настолько специфично для данного множества и интерпретировано таким сложным метаязыком, что использование его в других множествах практически исключено, а следовательно, с каждым новым множеством общий список элементов будет неуклонно расти.

Э. В. Кузнецова считает, что «конкретизация значения слов, обладающих одной базисной семой и входящих в результате этого в один семантический класс, осуществляется по каким-то определенным, специфическим аспектам. Внутри аспекта необходимо разграничить подаспекты. Их уровень будет достаточным для выделения сем. Например, для всех глаголов „овладения“ существенным оказывается объект действия. Категория объекта, таким образом, и является аспектом, в рамках которого происходит конкретизация лексического значения названных глаголов» [22, с. 261]. Далее автор выделяет подаспекты: «количество объекта», «зависимость объекта от кого-либо», «местонахождение объекта», «предметная или качественная специфика объекта», которым соответствуют четыре семы: «количество объекта», «зависимый объект», «объект определенного месторасположения», «объект специфический». Таким же образом для семантического класса глаголов «овладения» устанавливаются на уровне подаспектов четырнадцать сем. При таком подходе остается все же неясным, как определить эти аспекты и подаспекты для различных лексико-семантических групп. Выделенный для глаголов «овладения» аспект «объект действия» оказывается существенным для многих глаголов, обозначающих разного рода физические действия; существенным для глаголов,

обозначающих интеллектуальную деятельность, является также аспект «содержание», близкий к «объекту действия». Но для разных классов глаголов на основании одного и того же аспекта мы можем выделить, очевидно, разные подаспекты и, соответственно, разные компоненты [25, с. 520].

Многообразие направлений и приемов в методиках выделения семантических компонентов говорит о стремлении наиболее полно и адекватно описать значения слов. Очевидно, ни один из приемов, используемых в отдельности, не способен выполнить эту задачу. Кроме того, как считает А. М. Кузнецов, «представляется сомнительным, чтобы какой-либо семасиолог, имея в своем распоряжении разнообразные приемы исследования лексических значений, заранее ограничивал себя только одним из них (если, конечно, он не преследует какие-то особые цели). И метод интроспекции, и метод оппозиции, и метод словарных дефиниций, и метод синтаксической сочетаемости помогают раскрыть какие-то новые грани в смысловой структуре слова, обнаруживают альтернативные возможности компонентного анализа» [26, с. 33]. На начальном этапе исследования, очевидно, следует использовать данные толковых словарей, а если словарные дефиниции оказываются недостаточными, переходить к попарному сравнению лексем, анализу лексической сочетаемости и другим приемам.

Наряду с процедурами выделения компонентов необходимы процедуры проверки правильности их выделения. Общим местом остается убеждение, что количественный и качественный состав выделяемых семантических элементов должен быть оптимальным, т. е. достаточным для описания всех слов данной ЛСГ. Поиски объективных критериев выделения и проверки реальности компонентов имеют важное значение в плане дальнейшего развития метода компонентного анализа, поскольку «многие недостатки применения как компонентного метода, так и любого другого семантического описания связаны с процедурами проверки семантических результатов» [27, с. 298]. О. Н. Селиверстова указывает, что при проверке результатов компонентного анализа важен отбор информантов, достаточное их число, проведение повторных опросов.

В процессе выделения семантического компонента и проверки его реальности в составе семемы мы должны как-то материализовать его, т. е. закрепить за ним определенное обозначение. Но прежде чем говорить о семантическом метаязыке, остановимся на терминологии, используемой в рамках компонентного анализа. На протяжении истории развития метода для наименования смысловых единиц использовались различные термины: «дифференциальный признак», «дифференциальный элемент значения», «фигура содержания», «семантический множитель», «семантический примитив», «семантический маркер» и др. Н. Г. Долгих использует термин «компонент значения», считая его наиболее удобным, Дж. Лайонз говорит о «семантическом компоненте», а Л. А. Новиков отдает предпочтение термину «сема» [28, с. 116].

Может быть, термин «сема» и более удобен, если только он адекватно отражает сущность обозначаемой единицы. Дело в том, что иногда понятия семантического признака и семантического компонента разграничиваются, и различаются, с одной стороны, признаки, с другой — их компоненты [29]. Индивидуальные семантические компоненты (по терминологии Дж. Катца — «различители») входят в значение данной конкретной лексемы, но не входят в значения других лексем. Поэтому они менее зависимы в плане наименования и интерпретации (ср. семантические компоненты, выделяемые в прилагательных *красный* — «цвета крови», *голубой* — «цвета ясного неба» и под. [30]). Другие же компоненты существуют только в парном противопоставлении и репрезентируют определенный признак. Так, признак «пол» включает компоненты «мужской пол», «женский пол». Некоторые признаки объединяют несколько семантических компонентов, например, семантический признак «характер образования цвета, или тон» включает десять семантических компонентов. Таким образом, если за элементом значения закрепить один термин «сема», то остается неясным, что мы имеем в виду, — семантический признак или се-

мантический компонент, исходя из того положения, что компонент является носителем признака, и, следовательно, это единицы разных уровней. «Семантический признак не может быть реализован в чистом виде ни в одном слове, он представляет собой некоторую идеальную сущность и проявляется только в противопоставлении, по крайней мере, двух слов, тогда как в конкретных значениях отдельных слов фигурируют только семантические компоненты» [31]. Оставив за семантическим компонентом термин «сема», мы должны помнить, какое содержание за ним стоит.

Однако многие работы не учитывают общих проблем метода компонентного анализа, хотя он и используется в них в качестве основного или второстепенного приема. Отсюда неточность, неполнота, субъективность. Так, в некоторых работах не разграничиваются понятия семантического признака и семантического компонента. Ср. семантический компонент «положительность/отрицательность чувства», семантический компонент «интенсивность чувства» (слабое, сильное или очень сильное), семантический компонент «характер проявления чувства» (длительное или кратковременное) [32]. Если выражения, заключенные в кавычки, назвать компонентами, то как назвать слова в скобках? Некоторые исследователи в процессе анализа останавливаются на выделении признаков, не выделяя компонентов. Такой анализ может быть корректным только тогда, когда два значения различаются лишь наличием или отсутствием данного признака. Но нередко выделяются такие признаки, которые представлены в разных словах разными компонентами, часто несколькими. Как, например, представить значение какого-то прилагательного «осязания» с помощью семи дифференциальных признаков: «степень гладкости», «степень твердости», «степень остроты», «степень эластичности», «степень клейкости», «степень плотности», «степень нагретости» [33] или наименования поселений людей с помощью таких признаков (параметров), как «величина», «род занятий жителей», «характер управления», «архитектура и планировка», «образ и темп жизни», «развитость средств коммуникации», «нравственный фактор», «характер и частота контактов людей» и др. [34]?

Что касается семантического метаязыка в целом, то этот вопрос, как правило, в работах по компонентному анализу остается без внимания. Очевидно, такое положение связано с тем, что семантические единицы трактуются как одноплановые, а следовательно, способ их выражения выглядит как проблема второстепенная, не играющая существенной роли в самом анализе. Разногласия в этом вопросе сводятся в основном к тому, какой язык, естественный или искусственный, использовать для этой цели. Сторонники искусственного языка описания аргументируют свой выбор тем, что элементы семантического метаязыка не должны смешиваться со словами естественного языка, и поэтому в нем используются символы математической логики, цифровые или буквенные единицы, искусственно созданные слова и т. д. Другая точка зрения отражает убеждение, что естественный язык — такой объект, который сам себе может быть метаязыком. Так, Н. З. Котелова замечает, что «задача создания искусственного языка, описывающего, например, всю лексическую семантику, представляется некорректной и утопической» [35, с. 20]. Наконец, третья позиция является компромиссной и исходит из того, что «в семантических толкованиях могут быть использованы как единицы естественных языков, так и искусственные слова и символы, введенные исследователем или заимствованные им из других наук, а также средства „изобразительного языка“ (рисунки, графики)». Все единицы метаязыка в этом случае делятся на два типа: «те, которые не нуждаются в дефиниции, и те, которые нельзя использовать без предварительного определения» [36, с. 130].

Какие же требования должны предъявляться к семантическому языку? А. Вежбицка считает, что метаязык семантики должен быть ясным и понятным, чтобы в свою очередь не требовать специального объяснения [37]. Ю. Д. Апресян называет двумя важнейшими составными частями метаязыка словарь и синтаксис. Словарь семантического языка должен удовлетворять следующему условию: каждое его слово должно выражать ровно одно, по возможности элементарное значение, а каждое элементар-

ное значение должно выражаться ровно одним словом семантического языка, совершенно независимо от того, в составе какого толкования оно встречается. Синтаксис семантического языка, как и его словарь, должен обеспечивать однозначность записи значений [38, с. 70—74].

Однако словарь семантического языка в идеале пока никем не был создан, а анализ работ, содержащих семантические компоненты, говорит о полной произвольности выбора элементов такого словаря. Элементарный смысл нередко интерпретируется не одним словом, а развернутым словосочетанием. С другой стороны, один и тот же смысловой элемент в составе одной и той же семемы у разных авторов выражается различными способами. Так, для прилагательных, характеризующих лицо по отношению к другим людям, выделены компоненты: «заботящийся о том, чтобы окружающие имели высокое мнение о нем», «не проявляющий расположения, благосклонности к другим» [14]. Для прилагательного *глупый* в результате одного анализа установлен компонент «имеющий или проявляющий умственные способности ниже определенной нормы» [39, с. 17], а при другом анализе выделены другие компоненты: «ограниченно способный рассуждать» и «неправильно усваивающий» [21].

По поводу взаимоотношений компонентов внутри одной семемы существует как будто общее убеждение, что семантические элементы не равнозначны, а образуют некоторую иерархию. Анализируя эти иерархические отношения, Т. Р. Хофман приходит к выводу, что смысл слова может быть представлен посредством смысловых «атомов», одни из которых взаимно упорядочены, а другие нет, причем между «атомами» необходимо различать разные типы отношений. Для этого автор предлагает использовать семантические «сети», которые учитывают не только основные, но и факультативные элементы [40]. Последнее различие, т. е. неодинаковая роль разных семантических компонентов в структурной организации значений, приводит к выделению компонентов двух видов: главных (ядерных, опорных, «архисем» и т. п.) и дифференциальных (различительных, видовых и т. д.). Иногда выделяют скрытые компоненты, в других случаях «потенциальные семы», которые отражают потенциальные свойства предметов и актуализируются в определенных условиях. С. Е. Биятенко, например, различает «лексикализованные семы», в которых, по мнению автора, отражается определенная сторона плана содержания, не находящая своего структурного выражения в дистрибутивных формулах. Так, немецкий глагол *glänzen* получает лексикализованные семы «неподвижность» и «длительность» [41].

Иерархическая организация семантических элементов не абсолютна в том смысле, что выделяемые интегральные и дифференциальные семантические признаки являются таковыми лишь в рамках данной семемы или ЛСГ. За их пределами эти признаки будут менять свой статус, т. е. потенциальные признаки могут стать дифференциальными, а дифференциальные интегральными. Так, в словах с переносным значением потенциальные семантические признаки актуализируются и становятся дифференциальными [42], а если мы объединим две или более ЛСГ, то признаки, выделенные в качестве интегральных для каждой ЛСГ, будут в новом объединении дифференциальными и т. д. В этом проявляется диалектический характер языкового значения.

Вопрос о количественном составе элементарных единиц значения рассматривается в двух планах: количество компонентов в составе семемы и количество их в ЛСГ или в словаре в целом. Логически кажется оправданным представление, что семема, являясь членом определенной оппозиции, должна состоять не менее, чем из двух сем: идентифицирующей и дифференцирующей [43, с. 53]. С другой стороны, большим числом наблюдений подтверждается эмпирическая закономерность, согласно которой количество семантических компонентов в составе семемы не превышает шести. Возможно, такое положение соотносится с «правилом шести шагов», согласно которому два любых слова содержат в своих дефинициях общий семантический компонент не далее, чем через шесть шагов по словарю [44, с. 77].

Число семантических компонентов, необходимых для описания совокупности значений лексико-семантической группы, определяется на практике характером этой группы, количеством ее членов, а также способом выделения самих компонентов. При этом должны соблюдаться два основных принципа: число элементарных единиц значения должно быть небольшим («требование экономности»), но достаточным для того, чтобы все лексические значения в рамках фиксированного объекта были описаны исчерпывающим образом («требование полноты») [38, с. 71].

Анализируя лингвистические работы, в которых используется метод компонентного анализа, можно заметить, что количество выделяемых семантических компонентов неодинаково для разных лексико-семантических групп с одинаковым количеством лексем. Так, для ЛСГ «характеристика лица», содержащей 19 лексем, выделяется 20 семантических компонентов; для ЛСГ «наименования посуды», содержащей 24 лексемы, выделено 28 сем; для прилагательных с общим значением «оценка», включающих 114 лексем, выделено всего 9 семантических элементов; для 360 прилагательных с общим значением «пространство» выделено 119 семантических элементов. Причем с увеличением объема ЛСГ количество семантических элементов если и увеличивается, то незначительно. Кроме того, некоторые семантические компоненты, несмотря на разные именованья, совпадают по своему объему. Например, семантические компоненты «насыщенность больше нормы», «насыщенность меньше нормы» были выделены разными исследователями для различных ЛСГ: для прилагательных, обозначающих вкус, и прилагательных со значением «цвет», соответственно для ЛСГ «страх» выделяются компоненты «потеря способности рассуждать», «сохранение способности рассуждать», а для ЛСГ «свойства ума» выделяются компоненты «способный рассуждать», «не способный рассуждать». Менее же специфичные семантические компоненты (типа «большое количество», «малое количество», «наличие», «отсутствие» и под.) повторяются во многих семантических областях.

Несмотря на довольно распространенные скептические замечания по адресу метода и отдельные неудачные попытки в его применении, компонентный метод в настоящее время широко и успешно используется для исследования и описания самых различных пластов словаря. Конечно, если бы во всех работах соблюдалось «требование экономности» и некоторые общие принципы именования, то, казалось бы, можно было составить общий перечень исследованных групп и список семантических компонентов в них. Однако практически это оказывается трудно осуществимым. Во-первых, в рамках компонентного анализа фигурируют и такие группы слов, значения составляющих в которых не полностью раскладываются по дифференциальным признакам (например, слова, обозначающие фрукты). Во-вторых, в подавляющем большинстве работ исследованию подвергаются небольшие и сравнительно несложные группы слов, совокупности которых не покрывает словарь без остатка. К этому следует добавить различия в понимании сущности семантических компонентов, процедурах их выделения и интерпретации, а также неодинаковый объем подвергающихся анализу групп у разных исследователей. Все это отражается на результатах и, в частности, на числе компонентов и способах их выражения, что затрудняет, а иногда делает невозможным их систематизацию или перенос результатов анализа одной ЛСГ на другие.

Попытка такого переноса, вероятно, впервые сделана А. Вежбицкой [37], в книге которой в качестве исходного списка семантических неопределяемых, или примитивов, используется четырнадцать выражений естественного языка и с их помощью интерпретируются значения слов. Причем автор утверждает, что с помощью этих элементов или их эквивалентов в любом другом естественном языке можно представить не только значения отдельных слов, но и значения всех словесных высказываний и определить все семантические отношения, существующие между различными выражениями. Однако автор не находит решения проблеме интерпретации видовых понятий в широком смысле, как, например, *кошка*, *роза*, *яблоко* и под. В известном смысле они необъяснимы, но они не входят в число и

первично неопределяемых, как *я, часть, это, мир* и др., поскольку не являются компонентами, из которых строятся значения других выражений. Семантическую структуру видовых наименований автор связывает с собственными именами и предлагает такое их толкование: Человек по имени Джон = человек, представляя которого, мы говорим «Джон»; Кошка = животное, представляя которое, мы говорим «кошка»; Роза = цветок, представляя который, мы говорим «роза». При таком подходе все видовые наименования, а их в языке очень много, остаются за пределами семантической интерпретации. Кроме того, используя лишь четырнадцать неопределяемых, автор строит довольно громоздкие толкования, в которых семантические компоненты неоднократно повторяются в разнообразных комбинациях [37, с. 99]. А. Вежбицка замечает, что в процессе исследования начальный список семантических примитивов постепенно сокращался, т. е. исходит из принципа минимизации числа компонентов.

Вопрос о количественном составе семантических компонентов, которые можно было бы считать универсальными для всего словаря, является скорее практическим, чем теоретическим. Однако замена «требования экономности» принципом минимизации, которому следует А. Вежбицка, на наш взгляд, не оправдывает себя.

Установление полного набора семантических компонентов в настоящее время не представляется возможным. Однако уже сейчас можно сказать, что проблема эта может быть решена, и решение это следует искать, очевидно, в более строгом подходе к методу компонентного анализа. Во-первых, при анализе отдельной лексико-семантической группы необходимо исследовать значения всех слов, входящих в данную группу. При выделении и интерпретации выделяемых компонентов следует учитывать возможность вхождения их в значения слов других лексико-семантических групп. При проведении компонентного анализа следует, очевидно, придерживаться такого правила: лишь тогда признак или компонент являются релевантными для данной семемы, если существует в языке другая семема, отличающаяся от первой только отсутствием данного признака или наличием другого компонента, представляющего тот же самый признак. Направления исследований нужно распространять на различные группы словарного состава, которые в совокупности отражают определенную «картину мира» [30, с. 20—22; 44, с. 257; 45, с. 45]. Анализ различных областей словаря и их систематизация необходимы для того, чтобы ответить на вопрос, весь ли словарь мы можем описать с помощью компонентного анализа. Необходимо выяснить, какие области не поддаются такому описанию и почему.

Среди работ по компонентному анализу есть работы сопоставительного характера. В этом аспекте анализу были подвергнуты, например, названия орудий для земляных работ в русском и французском языках; балтийская географическая терминология в сопоставлении со славянской; ЛСГ существительных со значением «страх» в русском и французском языках; термины родства в английском, французском, испанском, датском и других языках и т. п. Авторы подобных исследований приходят к выводу, что во многих случаях количество выделяемых семантических элементов для разных языков одинаково. Так, ЛСГ существительных со значением «страх» во французском языке составляет 19 лексем, в русском — 10, но выделяемые дифференциальные семантические признаки совпадают в обоих языках: для пяти семантических признаков установлено десять семантических компонентов. Термины родства в датском языке отличаются от соответствующих групп в английском, французском, испанском и некоторых других языках наличием дополнительного признака «направление родства», остальные признаки совпадают. Обозначения животных, вступающие в оппозиции по дифференциальным признакам «категория», «вид», «пол», образуют микросистемы, насчитывающие примерно одинаковое число членов в каждом из 10 языков. Подобные выводы служат доказательством универсальности семантических признаков для многих языков, но поскольку несоответствия тем не менее довольно заметны, та-

кая универсальность распространяется не на все признаки. Это вполне согласуется с одной из гипотез современной лексической семантики о существовании некоторого совокупного универсального набора семантических компонентов, из которого каждый язык выбирает комплекс единиц меньшего объема. Чтобы подтвердить эту гипотезу, нужно сопоставить полные списки компонентов хотя бы по нескольким языкам. Но такого списка нет пока ни для одного языка. Создание словаря семантических компонентов явилось бы важным шагом на пути к решению ряда проблем семантики [ср. 46].

ЛИТЕРАТУРА

1. Селиверстова О. Н. Компонентный анализ многозначных слов (на материале некоторых русских глаголов). М., 1975.
2. Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974.
3. Звегинцев В. А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981.
4. Васильев Л. М. Методы семантического анализа. — В кн.: Исследования по семантике. Межвузовский сборник. Вып. II. Уфа, 1975.
5. Бережан С. Г. Онтологический статус семантики языка и ее единиц. — В кн.: Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. Кишинев, 1982.
6. Гак В. Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова. — В кн.: Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Тезисы докладов. Ч. I. М., 1971.
7. Бирвич М. Семантика. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981.
8. Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971.
9. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982.
10. Селиверстова О. Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
11. Залеская А. А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психологических исследованиях. Калинин, 1978.
12. Шпеер О. Л. О роли компонентного анализа в изучении механизма изменения лексического значения. — В кн.: Очерки по лексике и фразеологии. Ростов-на-Дону, 1976.
13. Посох А. В. Компонентный анализ семантики. — В кн.: Методы изучения лексики. Минск, 1975.
14. Шипицына Г. М. Об одном методе семного состава членов лексико-семантической парадигмы. — Научн. тр. Свердловского пед. ин-та, 1975, сб. 253, вып. 2.
15. Улько В. Ф. Опыт компонентного анализа семантической структуры прилагательных, обозначающих слабость. — В кн.: Английская филология. Краснодар, 1976.
16. Буслаев Д. А. Опыт компонентного анализа существительных, обозначающих эмоции, в английском языке. — В кн.: Вопросы филологии и методики преподавания германских и романских языков. Вып. 4. Воронеж, 1972.
17. Кузнецова А. М. О применении метода компонентного анализа в лексике. — В кн.: Синхронно-составительный анализ языков разных систем. М., 1971.
18. Кожевникова Л. А. Некоторые вопросы синтаксической и лексико-семантической сочетаемости глаголов мышления. — Уч. зап. МПШИЯ, 1968, т. 45.
19. Гриневич Т. С. К вопросу о методике определения значения на семасиологическом уровне. — В кн.: Вопросы романо-германского и славянского языкознания. Минск, 1975.
20. Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии. — В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968.
21. Ломтев Т. П. Принципы выделения дифференциальных семантических элементов. — Уч. зап. [Пермского гос. ун-та], 1969, № 192.
22. Кузнецова Э. В. О путях выделения компонентов значений слов при описании лексико-семантических групп. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972.
23. Долгих Н. Г. О трех направлениях в разработке метода компонентного анализа применительно к лексическому материалу. — ФН, 1974, № 2.
24. Степанова Г. В., Шрамм А. Н. Введение в семасиологию русского языка. Калининград, 1980.
25. Апресян Ю. Д. Английские синонимы и синонимический словарь. — В кн.: Англо-русский синонимический словарь. М., 1980.
26. Проблемы лингвистической семантики: Реферативный сборник. М., 1981, с. 33.
27. Селиверстова О. Н. Некоторые типы семантических гипотез и их верификация. — В кн.: Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980.
28. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982.
29. Пуцягин Г. А. Семантический анализ слов, называющих человека по возрасту (на материале имен существительных). — Науч. тр. Курского пед. ин-та, 1974, т. 47.

30. *Соколовская Ж. П.* Система в лексической семантике. Анализ семантической структуры слова. Киев, 1979.
31. *Кузнецов А. М.* Проблемы компонентного анализа в лексике. Научно-аналитический обзор. М., 1980.
32. *Шахова Л. И.* Структурно-функциональная характеристика лексико-семантической группы существительных «чувства, переживания» в русском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Киев, 1980.
33. *Нестерская Л. А.* Анализ лексико-семантической группы прилагательных как лексической микросистемы современного русского языка (прилагательные осязания): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1979.
34. *Линник Н. М.* Семантическое поле «поселения людей» в современном английском языке (опыт анализа структуры).— В кн.: Некоторые вопросы зарубежной филологии и методики преподавания иностранных языков. Орджоникидзе, 1974.
35. *Котелова Н. З.* Значение слова и его сочетаемость. Л., 1975.
36. *Селиверстова О. Н.* Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания.— В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
37. *Wierzbicka A.* Semantic primitives. Frankfurt-am-Main, 1972.
38. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
39. *Шрамм А. Н.* Принципы семантической классификации качественных прилагательных в русском языке.— В кн.: Вопросы семантики. Вып. I. Л., 1974.
40. *Хофман Т. Р.* В защиту смысловых атомов.— В кн.: Предварительные публикации [Проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике Ин-та русского языка АН СССР]. Вып. 110. М., 1978.
41. *Биятенко С. Е.* Некоторые виды анализа смысловой структуры глагола.— В кн.: Проблемы германской филологии. Рига, 1968.
42. *Хромыт Г. С.* Семантический анализ названия помещений в русском и английском языках.— В кн.: Вопросы филологии и методики исследования. Воронеж, 1975.
43. *Войтик Л. С.* О системной организации лексико-семантической группы наименований животных.— В кн.: Иностранный язык. Вып. 7. Алма-Ата, 1975.
44. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.
45. Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ. М., 1982.
46. *Караулов Ю. Н.* Частотный словарь семантических множителей. М., 1980.